

ГДЕ НЕТ ПАРАЛЛЕЛЕЙ И НЕТ ПОЛЮСОВ

Памяти
Евгения Толовина

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 82/821.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)
Г 26

*Издание осуществлено при поддержке
Фонда Евгения Головина
www.golovinfond.ru*

Г 26 Где нет параллелей и нет полюсов: памяти Евгения Головина /
сост. Е. Е. Головина. — М. : Языки славянской культуры, 2015. —
410 с.

ISBN 978-5-94457-201-1

Евгений Всеволодович Головин — поэт и философ, литератор и музыкант; филолог, теолог, мифолог; мистик и метафизик, непревзойденный знаток герметики и алхимии, человек колоссальной эрудиции, центральная фигура московского интеллектуального андеграунда 60—80-х гг. Именно благодаря ему, благодаря его особому присутствию этот андеграунд получил причастность к глубоким метафизическим измерениям и состоялся как уникальный феномен. Не принадлежавший ни этому времени, ни этому миру, Головин жил среди мифов и философских дискуссий античных времен, мистики и алхимии Средневековья, грез и прозрений великих мыслителей и поэтов, странствовал по невидимым континентам, забытым морям, пространствам субтильным, подвижным и тайным, приоткрывая «профанам» грандиозные перспективы совершенно иного, подлинного бытия, сейчас не известные практически никому. Экстравагантное поведение Головина во внешнем мире — симбиоз утонченного интеллектуализма, порочности, надменности, дендизма и декаданса — порождало массу легенд, пересудов... Наследие Головина — ряд блистательных книг, статьи и эссе, видео- и аудиозаписи лекций, бесед, а также песен в неповторимом авторском исполнении — еще подлежит осмыслению.

В книге представлены воспоминания и размышления о Евгении Головине близко знавших его людей, среди которых известные ныне философы, поэты, ученые, музыканты.

УДК 82/821.0
ББК 83.3

ISBN 978-5-94457-201-1

9 785944 572011 >

© Авторы, 2015

© Головина Е. Е., сост., 2015

© «Языки славянской культуры», оформление, макет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Елена Головина. Мой отец Евгений Головин</i>	5
<i>Сергей Жигалкин. Миссия X</i>	27
<i>Глеб Бутузов. Первый</i>	64
<i>Александр Дугин. Из грезы в грезу</i>	73
Auf, o Seele! (Эссе о Евгении Головине)	75
Мифомания как строгая наука	85
Философия воды Евгения Головина	89
Евгений Головин и сущность поэзии	149
Головин и открытая герметика	168
<i>Игорь Дудинский. Метафизика — это я</i>	174
<i>Юрий Мамлеев. Жажда иного берега</i>	181
<i>Александр Ф. Скляр. Корабли не тонут, или</i> Сказка длиною в жизнь	189
<i>Гейдар Джемаль. «Черный люстр»</i>	211
<i>Владимир Рынкевич. Потомки Мульдú</i>	222
Потомки Мульдú	222
Terra foliata	226
Ночь с Инженером Тяги	228
Без жала сатаны	232
В холодильной камере	235
После-словие	238
<i>Наталья Мелентьева. Молитва радуге</i>	239
Евгений Головин: «осторожные экскурсии в безумие»	239
Евгений Головин: уточнение декомпозиции	299
<i>Олег Фомин-Шахов. Вечный послеполюденный отдых</i> фавна	306

<i>Сергей Герасимов.</i> «Мы встретились случайно, в глубине космической жизни...»	313
<i>Александр Петров.</i> Тотальный человек	333
<i>Григорий Бондаренко.</i> Памяти Евгения Всеволодовича	343
<i>Полина Болотова.</i> Вечера на Ореховом	349
<i>Сергей Гражданкин.</i> Евгений Всеволодович_головинэссе: Женечка-адмирал	353
<i>Наталья Черных.</i> Евгений Головин как явление природы . .	362

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН: ПОЭЗИЯ, АЛХИМИЯ, МИФОМАНИЯ

Материалы семинаров
по проблемам религиоведения и традиционализма
Центра Консервативных Исследований
при социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова
Весенний семестр, 2011
Семинар № 4

<i>А. Г. Дугин.</i> Евгений Головин: интеллектуальная топика (тезисы)	373
<i>Г. Д. Джемаль.</i> Головин и прижизненный опыт смерти . . .	378
<i>С. А. Жигалкин.</i> Головин и математика	386
<i>В. В. Рынкевич.</i> Евгений Головин и измененные состояния сознания	392
<i>В. И. Карпец.</i> Головин как человек Премодерна и последний язычник	396
<i>И. Б. Дмитриев.</i> «Работа в черном» и проблематика смерти	401
 Книги Евгения Головина	 403

Елена Головина

МОЙ ОТЕЦ ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН

Для такого существа, каким был мой отец Евгений Головин, подробности личной биографии не просто не имеют никакого смысла, этой биографии как бы принципиально и нет, потому что все так называемые случившиеся с ним события могли быть какими угодно другими, то есть любимы, от этого несколько не поменялась бы суть. Он вечный человек, как вечен камень, дух, океан, гора, Аполлон и Дионис; вокруг него могла разворачиваться война, революция, поздний совдеп, наводнение, застой или перестройка — не важно. В тот момент, когда мы решили собрать книгу воспоминаний о Евгении Всеволодовиче Головине, я поняла, что окажусь в сложном положении, потому что этот человек — мой отец и в силу одного этого соприкоснулся со мной в том числе и своей смертной, человеческой стороной. У меня были мучительные сомнения, стоит ли рассказывать его личную раннюю биографию или можно спокойно без этого обойтись, тогда его портрет, нарисованный в этом сборнике знавшими его людьми, останется полностью мифологичным. Никаких сомнений в том, что мифологический портрет гораздо ближе к сути, чем так называемый «лично-человеческий», у меня, разумеется, нет. Тем не менее я решила все-таки немного затронуть его личную историю и надеюсь, что ему не будет это неприятно. В последние пару лет жизни он часто заводил разговоры о семье, о своих родителях, родных, и я чувствовала, что у него есть потребность ощущать, что и он по-своему составляет часть родовой цепи; возможно, в последний, самый тягостный

период его жизни внутренние ветра уже слишком сильно относили его от земных берегов, и эти разговоры были своеобразной привязкой, попыткой на секунду дольше задержаться на здешнем якоре. Мне так и хочется написать, что все, с ним случившееся, так называемые «факты» его жизни — это неправда, ведь лишь ничтожная часть его существа принимала участие в банальной обыденщине существования. И все же...

...Родной брат Жени — Рудик был на год старше, но его пожирали, высасывали голод войны, пощадив только огромные темные глаза в пол-лица; плоть Рудика исчезала, и маленький Женя думал, что ею питаются домовые, живущие за печкой, — так говорила бабка; может быть, бабка нарочно скармливала домовым Рудика, потому что он был гениальным. Отец всю жизнь повторял, что трехлетний Рудик был гениальный, но как двухлетний мог заметить гениальность трехлетнего? Он говорил, это было заметно по глазам — единственному, что дольше всего сохранялось от тающего Рудика. Отец подкрадывался ночью с ножом к бабке — отрезать ее воняющей скипидаром плоти и подкинуть домовым; все, что дурно пахнет, не подходит для высших созданий, эту истину пришлось рано усвоить. А что домовые создания высшие, он поначалу узнал от бабки: она любила по вечерам ставить по рюмке водки домовым, чтобы они охраняли ее. Зато Рудика домовые прикончили; может быть, даже и по приказу бабки, так думал Женя. Он намеревался сам залезть на место брата в детский гробик, и залез бы, бабка даже бы не заметила. Но тут произошло явление красивой еврейки с косами, уложенными вокруг головы. Юля. Скипидарная бабка сначала хотела отогнать ее палкой, но когда из Юлиной сумки вывалилась курица, и банка кофе, и сахарок, бабка закивала одобрительно. Запах Юли Жене не понравился сразу — пахло мылом. И вонючий скипидар против него оказался куда животворнее, душистее и кучерявее; и даже бабкина страшная палка будет вспоминаться эдакой веселой девахой, любящей пооколачиваться в недозволенных местах, и белый снежный Свердловск, от которого единственное воспоминание — пар изо рта, как у паровоза, на который ходили смотреть с бабкой. Но это будет понятно потом, а пока Юля купила Женечку леденцовыми

петушками на палочке и разрешала поначалу засунуть их в рот сразу четыре.

Так из Свердловска в 1943 году умиравшего от голода пятилетнего Женечку Головина забрала в Москву дальняя родственница Юлия Исааковна Гершзон, двоюродная сестра Жениной бабушки по отцу. Муж Юли — Александр Исаакович или просто «дядя Саня» — оказался большим человеком, директором московского часового завода. До конца жизни отец отзывался о нем по-детски: «Дядя Саня был очень хороший». Ютились в Плетешковском переулке в двух захламленных комнатухах. Женя уже знал свою историю: их с братом Рудиком оставила мать по имени Евгения Федоровна Васильева; красивая и талантливая актриса бросила в военное время голодных детей — Женечку и Рудика на произвол своей матери и отбыла на поиски приключений; а их отец Воля, Всеволод Викторович Головин, ушел на фронт. Он был поэтом, путешественником и искателем. Ростом метр девяносто шесть и красив, как бог; ему вслед оборачивались все женщины на улице. Романтик, он в 16 лет сбежал на Север, где прожил целых шесть лет; стихи сохранили память о его романе с юкагиркой — к ужасу своих родителей, он едва не привез ее в Москву и не женился на ней!

Подошел без гримас и кривляний
Поняла ты и стала любить
Никаких не давал обещаний,
Никого не клялся позабыть

Юля вспоминала, что редкие наезды Всеволода в Москву, особенно при деньгах, что иногда случалось, обожала вся семья, потому что человеком он был широким, мог выкинуть шальные деньги, если вдруг они на него сваливались — на подарки детям, кузинам, племянникам, просто приятелям; одно время он дружил с Константином Симоновым, пока тот не предал его каким-то образом, но подробностей никто не знает. В отличие от самого Жени, его отец Всеволод был путешественником прежде всего во внешнем проявленном мире, неутомимым, физически выносливым, умелым по части костров, рюкзаков, походов, палаток,

он даже внешне напоминал викинга. Женя любил фраппировать рассказами, будто бы его отец перебежал к немцам. Очень это сомнительно. Скорее всего, он погиб на фронте. Во всяком случае, около 1942 года Всеволод Викторович Головин бесследно исчез, и с тех пор семья ничего о нем не слышала.

Откуда взялась приемная мать Юлия Исааковна Гершзон, приехавшая за маленьким Женей в Свердловск? Юлю попросила об этом ее двоюродная сестра Берта, в то время мотавшая сталинский срок на Колыме.

Берта Александровна Бабина-Невская, уникальная личность — бабушка моего отца и, соответственно, мать Всеволода. Она жила в те невероятные, «царские» времена, когда еще можно было родить сына в Риме, снимая просторную квартиру неподалеку от собора святого Петра, — там на свет и появился Всеволод. Берте было 18 лет, когда, увлеченная идеями анархистов и влюбленная в анархиста, она сделала попытку выстрелить в генерал-губернатора. Промахнулась. Всю жизнь потом вспоминала отеческую улыбку своей несостоявшейся жертвы и его слова: «Вам, барышня, замуж надо, а вы стрелять». Он не позволил полиции тронуть ее.

Позднее муж Берты, Виктор Головин, потомок русской аристократической фамилии Головиных, связался с левыми эсерами, стал одним из лидеров их петербургского кружка, но рано умер от туберкулеза. Берта Бабина за свою революционную деятельность, которую она не думала бросать, попала в питерские «Кресты» уже в 1922 году; рассказывала, как в соседних камерах на нарах оказались ее друзья — князь Оболенский и многие другие. Встречаясь на тюремных прогулках, они говорили о французской литературе и преимущественно по-французски. Упомянуть погоду, здоровье и их незавидное положение считалось дурным тоном. 25 лет сталинских лагерей, работа на лесоповале, а потом поселение Берту не сломили... В ссылке умер ее второй муж Борис Бабин.

В 1964 году Берте после реабилитации разрешили вернуться в Москву. Я помню ее крошечную комнатку на Сиреневом бульваре, заполненную книгами, огромное резное деревянное кресло, казавшееся мне тронем, — кто-то ей подарил; почти та-

кое же было в петербургском доме ее богатого отца — ведущего путиловского инженера. Помню, как, притаившись, я сижу под большим письменным столом Берты и наблюдаю, как 8 марта собираются ее подруги — аккуратные, элегантные и подтянутые старые женщины, ее уцелевшие подруги-колымчанки. Старухами их назвать невозможно, потому что у них в 70 и более лет горели глаза и щеки вспыхивали от разговоров о... справедливости; не смотря на все, что с ними сделала власть, они по-прежнему волновались о том, чтобы с народом «поступали справедливо». Эти интеллектуалки и идеалистки, все как одна — красавицы (я видела их молодые фотографии) и тогда уже смотрелись абсолютными инопланетянками, с какой-то целью занесенными в ад XX века, да еще и в революционную Россию! К Берте приходила часто Надежда Яковлевна Мандельштам, моя прабабушка неоднократно повторяла ей историю, как в 1938 году на пересылке столкнулась с Осипом Мандельштамом, — зашла в мужской барак, там на нарах сидел, покачиваясь, совершенно сумасшедший человек и читал знакомые стихи:

На страшной высоте блуждающий огонь!
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь,—
Твой брат, Петрополь, умирает!

На страшной высоте земные сны горят,
Зеленая звезда летает.
О, если ты звезда,— воды и неба брат,—
Твой брат, Петрополь, умирает!

Отец хоть и не стал писать о Мандельштаме в своей книге «Серебряная рапсодия», не посвятил ему отдельную лекцию, на самом деле высоко ценил этого поэта.

...Коротко возвращаясь к Берте Бабиной. Она прожила очень долгую жизнь, пережив обоих сыновей и относясь ко всему с философичностью истинной аристократки. Ее последними словами были: «Пора идти, конвой ждет». Как я надеюсь, что в тот последний раз ей удалось от него улизнуть! Женя на самом

деле очень любил Берту, свою родную бабушку, но любил тайно, никогда не признаваясь в этом; они понимали друг друга в каком-то глубинном сущностном смысле просто отлично, а в так называемом бытовом — весьма неважно. Она звала его «Женька», считала лоботрясом и бездельником, осуждала за пьянство и все пыталась наставить на истинный путь. Отец отмахивался от нее, что вроде как и она не стала образцовой домохозяйкой, матерью и женой, а всю жизнь боролась с ветряными мельницами и защищала абстрактные идеи. «Берта была кремень-девка», — повторял отец с явным одобрением.

Что касается приемной матери Юли, то, похоже, Жене было очень сложно в том семействе, где кроме Юли и ее мужа Сани было еще двое детей — Катя, дочь Юли от первого брака, и Шура, сын Сани от первой жены. Женя рос странным, вещи и подарки у него не приживались: подаренные дядей Саней на Новый год часы в тот же вечер оказывались передаренными парню со двора; гитару, о которой Женя мечтал в старших классах школы, он через неделю вручил какому-то незнакомому типу в метро в обмен на французскую книгу. Юля сходила с ума от этих выходов, водила его к психиатру, тот выслушивал, расспрашивал про наследственность, про мать и отца. Юля многозначительно вздыхала, Женя, стоя с сторонке, ядовито ухмылялся.

— Вы читаете, молодой человек? Ваша мать хочет, чтобы вы побольше читали...

Напрасно уважаемый мозговед задал этот вопрос.

— Мои любимые авторы Пруст, Кант и Ницше. Кстати, как вы понимаете выражение: «.....»?

Вспотевший после неравной интеллектуальной схватки психиатр наклонился к трепещущему в ожидании приговора Юлиному уху и многозначительно прошептал, что он, м-да, опасается вялотекущей шизофрении. Ее глаза вспыхнули: она же подозревала, догадывалась! Бедный Женя.

Юля засуетилась вокруг него; ее представления обо всем хорошем в мире сводились к мылу, душу, таблеткам, лечению, учению и подражанию поведению порядочных людей. Она пыталась совать ему таблетки, из этого получался взрыв.

Рос Женя в основном на улице, шлялся по дворам, отчаянно дрался, был в самом деле уже тогда «бешеный и смелый»; часто

рассказывал, как они дрались школа на школу — он учился в мужской гимназии. Его выпускали вперед, потому что он владел «трюком» — бить противника взглядом, на самом деле надо было смотреть ему точно в точку переносицы, соблюдая абсолютную концентрацию внимания...

Кончают институты
И создают уюты,
Мучительно ищут призванья.
Но я — иное дело,
Я бешеный и смелый,
И драка — мое дарованье.

Я захожу в кафе
В пальто и галифе,
Вообще по классической моде.
Ногой кому-то в пах,
Ножом кому-то в глаз,
А бармену — просто по морде.

Плевать на карате,
Плевать на айкидо,
Плевать на увечья, порезы.
Я в гости захожу
И второпях пальто
Срываю под музыку лезвий.

Одних волнуют девки,
Других волнуют деньги,
Кругом безобразная давка.
Но в жизни есть одно
Жемчужное зерно —
Роскошная, светлая драка.

Но вот ножом в живот,
И провалился лед.
Ах, как ослепительно больно!
Восторженно плыву
В кровавый небосвод
Убитый, но очень довольный.

Расти в прагматичной еврейской семье, «культурной» и «читающей», было для отца пыткой, особенно слушать воспитательные речи Юли, пытающейся поднять приемного сына, напоминающего дикого волчонка, напряженного, всегда готового к нападению и опасного, до уровня советской интеллигенции с ее претензиями, болтовней, беспомощностью и катастрофическим отсутствием хорошего вкуса за ничтожным исключением.

«Ниже всех стоит „шляпня“, „инженерье“, советская интеллигенция, у нее нет внутреннего бытия вообще, это бумажное изделие, смертельно мокнущее под дождем, разрываемое любым нервным порывом бытийных ветров», — напишет он потом.

Конечно, на свой лад Юля старалась как могла. Изю всех своих троих детей (Катя стала «крепким инженером», Шура впоследствии драматургом) она считала Женю обделенным и неприспособленным, а он ненавидел ее жалость и не нуждался в ней. Справедливости ради надо сказать, что в глубине ее правильной души именно Женя все же цеплял ее за живое, и при виде этого вечно блудного и неприкаянного сына геометрически точные и устойчивые, прямоугольные и квадратные конфигурации ее жизненных установок начинали подозрительно подрагивать; тайком от других детей она совала ему деньги, ужасаясь тому, как аккуратно разложенные по достоинству купюры в мгновение ока превращались в смятые бумажки и небрежно отправлялись в задний карман, туда, где лежали перочинный ножик, зажигалка, сигареты и записная книжка.

Мне впоследствии постоянно объясняли, что мой отец очень талантливый, но... Надо было слышать интонацию этого «но» и видеть многозначительно поднятые вверх глаза. Я понимала: «... но он на Арктуре или на Веге». Ведь он сам мне говорил, что его любимое созвездие — Лира. С ним невозможно было связаться обычным способом; он вне доступа колясок, детей, криков, потребностей и долженствований. Взрослые, понятно, считают ребенка идиотом. А я все поняла про него с первого взгляда из коляски, и мое ощущение не изменилось до последнего дня его жизни. Я знала: он другой, принципиально, кардинально, экзистенциально другой, к нему неприменимы бытовые координаты, он находится в пространстве, где нет параллелей и нет полюсов, что он был всегда,

но, видимо, не всегда в плоти человека. Мы иногда разговаривали про некую память, которая сохранила некие ощущения инобытия; иногда во сне, иногда в грезах они к нему возвращались и невыносимо сплывались со страшной совдеповской бытовщиной. Он говорил мне, что знает: ТАМ у него тоже есть дочь и есть ОНА, и мучительная борьба за то, чтобы хоть на мгновение прорваться в ТАМ заставляла его пить. Spiritus сглаживал прорехи и безжалостные острые углы ЗДЕСЬ.

Отношения Жени с приемной матерью окончились предсказуемо: он не пришел на ее похороны. Уже перед самым его уходом, буквально в последние дни, когда мы с отцом много говорили о семье, больше, чем всю предыдущую жизнь, он сказал, что Юля очень сильно обидела его и он не может ее простить. Это было совсем по-земному, но, к сожалению, даже отец был опутан проклятой колючей проволокой Земли, рода, плоти... Я часто думаю, ну какое же страшное преступление совершил этот высокий дух, чтобы оказаться в нищей тоталитарной стране, в убогих условиях, среди сброда, урлы, «пролов», в центре существования такого качества, которое А. Ф. Лосев назвал «смутным пятном неизвестно чего». Отец находил это определение научно точным.

Помню свое потрясение, когда я наконец осознала, что Женя не знал родной матери, а родного отца Всеволода не видел вообще никогда — от него остались только фотографии и воспоминания. В сущности, отец был сиротой, и это принципиальный момент его человеческой биографии, потому что иначе просто не могло быть. У того свободного, легкого, беспечного, огненного и опасного существа никак не могло быть родителей с конкретными чертами лица, трудными биографиями, банальными историями браков, разводов и прочей чепухи. Он не был ничуть похож на своих родителей, как и полагается при подобном рождении, природа всегда заботливо маркирует особые случаи; через своих родителей он «просто прошел», как он говорил. Дети зачинаются в воображении, тело в этом вообще не участвует, появление ребенка — это акция активной фазы имажинации...

...Расставшись с матерью совсем маленьким, Женя в следующий раз увидит ее взрослым, в 20 лет. Евгения Федоровна к тому

времени оказалась в городишке Арзамас со своим третьим или четвертым мужем и совсем старой матерью; у Евгении было еще двое детей, но Женя не проявил к своим сиблингам ни малейшего интереса, они никогда не общались. Актерская карьера Евгении Федоровны к тому времени уже закончилась, она скучала, злилась на жизнь. Отец был в восторге от того, как она его встретила: не поведя бровью, не удивившись, не кинувшись к нему на шею с поцелуями и объятиями, не унизив душевной теплотой.

— Ну что, Женька, явился? — первые слова, какими одарила мать сына после почти двадцатилетней разлуки.

Его привело тогда в полный восторг это ее спокойствие, отсутствие слишком человеческих мерзостей типа «сыночек», «ах», «наконец-то»... Возможно, он встретил родственную душу: серия тошнотворных лексических банальностей, похоже, была чужда Евгении Федоровне, как и ему. Какое облегчение, что мать не испытывала ни малейшего чувства вины из-за того, что бросила детей, ей в принципе все это было не важно. Ее ледяная холодность абсолютно вписывалась в Женину уже почти сложившуюся философию, Оскар Уайльд к тому времени был им прочитан от корки до корки. Свою мать он возвел в идеал, говоря, что она оказалась женщиной «нормальной, холодной и не чадолюбивой»; первая встреченная им Снежная королева на уровне пока бытового, так сказать, семейного воплощения. Впереди их будет много, потому что Снежная королева, Белая дама — сердцевина Женино космоса. Что касается собственно матери, то он съездит несколько раз к ней в Арзамас, несколько раз явится в Москву она, и на этом общение закончится.

Официально отец был женат всего один раз — на моей матери Алле Михайловне Пономаревой; женился очень рано, в 23 года, влюбившись в белокурую, хрупкую, мечтательную девушку, покорив ее стихами и обещаниями увезти в Эльдorado. Моя мать в юности была похожа на Дину Дурбин — его любимый женский тип. В женской красоте отец отлично разбирался и, что очень меня удивляло, знал толк в макияже, оттенках помады и «стрелках» на глазах. На самом деле он выполнил обещание, данное моей матери, а потом и другим женщинам, и честно пытался увезти их всех в Эльдorado и осыпать алхимическим золотом. Но. Это его

любимая, самая короткая и такая красноречивая фраза — взять и поставить точку после «но». Итак, «но». Чтобы оказаться в Эльдорадо, надо этого захотеть.

Женщин было немало, а вот дома, в сущности, не было никогда; он часто говорил мне, что для мужчины это совершенно нормально, собственно, только так и может быть, ведь он всегда должен быть налегке, готовый в любую минуту тронуться в путь. Планета Земля и женщина — обе находятся под знаком двойки, двойственности, обе запутались в материи, поэтому дома, квартиры, вещи, предметы и владение чем бы то ни было Женя относил к сугубо женской сфере бытия. Расставшись с моей матерью, он до самого конца входил в мир и дом женщин, которых любил в данный момент, как экзотический корабль во временную гавань; и все они прекрасно это осознавали. Удержать его было нельзя, потому что его путь лежал в пространства, куда он не мог взять попутчиков; иногда он оказывался посреди своих грез и видений прямо на маленькой кухне Ирины Николаевны Колташевой на улице Вавилова, или в Горках-10 у Лены Джемаль, или еще на чьей-нибудь кухне, и часто начинался хаос. Женщины называли это пьянкой, безобразием, «отсутствием нормальной жизни», а для него это был просто спектакль бегства; алкоголь создавал возможность щели, куда можно ускользнуть от невыносимой скуки обыденности, серости, убойного молотка слова «должен», которым была по нему «нормальная» жизнь. Приемная мать Юля угостила его этим «должен» с раннего детства, потом в этот хор с большим или меньшим рвением включались его женщины. Он жаловался мне: «одним было нужно только мое тело, другим — только моя голова». Женя много писал о «естественной взаимной ненависти полов» и говорил, что вообще не понимает, как мужчина и женщина могут существовать рядом; но тем не менее он никогда не оставался без женщины и, в сущности, не мыслил жизни без этого врага. Видимо, женское бытие привязывало его к земле, иначе его корабль слишком легко снялся бы с якоря под действием слышных только ему ветров и его бы унесло далеко от земной орбиты.

Отца часто спрашивали, где и когда он успел столько всего прочесть и узнать. Я не сомневаюсь в том, что знание он принес